

Обустройство России: вызовы и риски

ИЛЬНИЦКИЙ Андрей Михайлович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Военного университета Министерства обороны РФ, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, член президиума Совета по внешней и оборонной политике, старший научный сотрудник ВАК СССР

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ В «СЕРОЙ ЗОНЕ»

Аннотация. В статье анализируются ключевые вызовы для обеспечения субъектности Российской Федерации в условиях глобальной «серой зоны» – переходного состояния международных отношений, характеризующегося размыванием традиционных норм и институтов. Особое внимание уделяется кризису субъектности Запада, проблеме заимствованного политического дискурса в России, роли ментальной войны как стратегического инструмента глобального противоборства.

Ключевые слова: ментальная война, гибридная война, серая зона, квантовые эффекты, полицентричный мир, военно-политические процессы, субъектность, международная политика, гегемония, нарративы, идеология, русский мир

Введение

В современной международной политике Российская Федерация сталкивается с комплексом объективных внешних и внутренних вызовов, охватывающих коммуникационные, институциональные, смысловые и ресурсные аспекты¹. Среди них выделяются две гносеологические проблемы: кризис субъектности Запада и перенасыщение российского политического дискурса заимствованными с Запада смысловыми конструктами, терминами и нарративами.

Кризис субъектности трансформирует систему международных отношений в хаос и «серую зону» (далее – серая зона), где «ни мира, ни войны», где традиционные правила уступают место произвольным интерпретациям, а политика приобретает черты турбулентного «потока сознания» с размытой направленностью «субъект – объект» без четкой фиксации «цель – процесс – результат».

В этом контексте ведется ментальная война как доминирующая форма гибридного противоборства в серой зоне, выходящая за рамки информационных и когнитивных операций и фокусирующаяся на долгосрочном перформатировании сознания, мировоззрения и цивилизационной идентичности.

Кризис политической субъектности Запада

Международная политическая субъектность Запада размыта в институциональном, коммуникационном, идеологическом и персональном планах. Это размывание проявляется на нескольких уровнях, создавая системный кризис ответственности и предсказуемости в глобальной политике.

В институциональном аспекте традиционные структуры, такие как НАТО, ЕС или ООН, утрачивают монолитность: решения принимаются не в рамках консенсуса суверенных государств, а под влиянием транснациональных элит, корпораций и негосударственных акторов. Национальные правительства все

¹ Путин В. В. Выступление на пленарной сессии «Полицентричный мир: инструкция по применению» международного дискуссионного клуба «Валдай». 2025. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/78134> (проверено 17.01.2026).

чаще уступают приоритет и полномочия наднациональным органам, когда бюрократия Брюсселя диктует политику, игнорируя интересы отдельных стран, как в случае с миграционными квотами или энергетической зависимостью от США [Ильницкий 2023а; Ильницкий, Яновский 2024].

В коммуникационном плане субъектность размывается через фрагментацию информационного пространства: социальные сети, глобальные медиаплатформы и алгоритмы ИИ формируют параллельные реальности, где официальные заявления лидеров конкурируют с анонимными вбросами и *deepfake*-контентом. Это приводит к потере авторитета государственных каналов коммуникации.

Идеологически Запад утратил когерентность системы ценностей: либерализм, некогда бывший консолидирующим фактором, фрагментирован на прогрессизм, неоконсерватизм, популизм, откровенное левачество и пр., где каждый сегмент претендует на монополию истины, но не способен к синтезу.

Персонально субъектность политических элит также размыта: легитимные лидеры, такие как, к примеру, Кир Стармер или Эммануэль Макрон, часто выступают как фасадные фигуры, подчиненные «глубинному государству» — сети лоббистов транснациональных корпораций и финансовых групп, разведок и разного рода полутеневого силовых структур, разного рода закрытых клубов, фондов и *think tanks* [Ильницкий 2023а; 2024б; Ильницкий, Яновский 2024].

Ответы на вопросы, с кем вести переговоры, о чем договариваться, каковы гарантии исполнения договоренностей и кто несет ответственность, становятся все более неопределенными. Когда Трамп говорит Владимиру Зеленскому, что у него нет козырей, он имеет в виду, что у главы киевского режима нет козырей без поддержки США. Понятно, что киевский режим рассчитывает на помощь европейских стран. Но эта поддержка возможна в сколько-нибудь серьезных масштабах, лишь пока США продолжают продавать Европе оружие для Украины. США продолжают делиться с Украиной разведывательными данными и оружием (через Европу).

Напомним, что объем помощи Запада Украине составляет на сегодня не менее 350 млрд долл. США: тот же Трамп, к примеру, озвучивал эту цифру неоднократно. А это уже (в реальных курсовых ценах) в 2 раза больше, чем вся помощь союзников СССР во время Второй мировой войны.

Трампа больше волнует его личный имидж, нежели реальный мир на Украине. Он не хочет брать на себя ответственность и принимать «тяжелые решения», а продолжает позиционировать себя как посредника, объективно подрывая субъектность США как партнера по переговорам. Повторение в течении года мантры: «это не моя война, а война Байдена» не достойно президента великой державы. Потому и прошел 2025 как год отложенных решений, неопределенности и полумер. Надеемся, что 2026 станет годом ответственности, четких решений и конкретных действий.

Долгое время в российском экспертном сообществе сохранялась иллюзия коллективного Запада как единого субъекта взаимодействия. Россия и до сих пор продолжает вести дела с Западом как с партнером в предположении о его государственнической и правовой природе, аналогичной собственной. Однако это предположение как платформа взаимодействия устарело: Запад во главе с США, находясь в роли глобального гегемона на протяжении десятилетий, утратил государственнический инстинкт, растворив его в глобализме гегемонистских задач.

«Партнерство» с Западом затруднено и по иным основаниям: в амери-

канской интерпретации справедливый мир для всех невозможен; возможен лишь мир гегемонии США. Это инвариант американской политики, существующей уже более века – со времен Теодора Рузвельта [Ильницкий 2023а]. Стиль реализации этой гегемонии варьируется: Дж. Буш-младший управлял миром напрямую через финансовые инструменты и военные интервенции (Ирак, Афганистан); Б. Обама и Дж. Байден стремились к лидерству через «мягкую силу» посредством многосторонних альянсов, финансовых сетей и технологии «цветных революций»; Д. Трамп позиционирует себя в качестве «смотрящего за миром», ставящего его «на счетчик» через тарифы, санкции и сделки. При этом цель неизменна: подчинение воле США. Вассалы, такие как Европа и Япония, более полувека существуют под американской военной (базы НАТО) и финансовой (долларовая система) оккупацией, платя дань «звездно-полосатому сюзерену» в форме расходов на американский ВПК и энергоносители через технологическую и финансовую зависимости.

Россия последовательно (за исключением 1990-х гг.) отказывается от этого вассального статуса. С 2007 г. (Мюнхенская речь В.В. Путина) она подвергается гибридной агрессии Запада с целью трансформации из суверенного субъекта в объект [Ильницкий 2021; Ильницкий, Яновский 2024].

Российская стратегия предполагает полицентричный мир с разделением на зоны национальных интересов, где Запад не вмешивается в российскую сферу¹ [Ильницкий 2024а]. Это не устраивает администрацию Д. Трампа, ориентированную на тотальное доминирование через силу, где любые альтернативные центры воспринимаются как угроза. В отличие от Запада, Россия, Китай и Индия сохраняют суверенную государственность с легитимной, персонифицированной и ответственной властью. Иностранные партнеры четко идентифицируют центры принятия решений в Москве, Пекине или Дели – это традиции международной политики, подкрепленные практикой, исторической преемственностью и репутацией надежного партнера.

Размывание субъектности Запада усиливает асимметрию: Россия взаимодействует с «фасадом», за которым скрывается неконтролируемая «горизонталь» глобальных (наднациональных) элит, делаая переговоры зачастую бессмысленными.

То, что наблюдается сегодня, – это индуцированный глобальными элитами процесс разрушения институтов XX в. и формирования новых правил. мироустройство после Второй мировой войны, обеспечивавшее относительно мирное сосуществование, хаотизируется [Ильницкий 2023б; Ильницкий, Яновский 2024].

Новая мир-система еще не сформирована, а старая погружается в серую зону – геополитическое пространство «ни войны, ни мира» [Бартош 2021а; 2021б; Зарудницкий 2021].

В военно-политической серой зоне акторы действуют в разных парадигмах: моральных, интеллектуальных, структурных, институциональных. Общих правил нет. Для Запада легитимны лишь действия мира через силу, когда «война все спишет», а победитель обустроит мир по своим правилам [Зарудницкий 2021; Ильницкий 2023а].

Президент Путин на заседании Валдайского клуба осенью 2025 г. отметил: «Сегодняшний мир – чрезвычайно комплексная, многоаспектная система.

¹ Путин В. В. Выступление на пленарной сессии «Полицентричный мир: инструкция по применению» международного дискуссионного клуба «Валдай». 2025. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/78134> (проверено 17.01.2026).

Чтобы правильно описать, осмыслить ее, недостаточно простых законов логики... Тут нужна философия сложности – что-то сродни квантовой механике»¹. Квантовая аналогия подчеркивает нелинейность и вероятностный характер военно-политических процессов в серой зоне, когда классические причинно-следственные модели недостаточны для прогнозирования. Требуется «философия сложности», интегрирующая вероятностные подходы, аналогичные уравнению Шредингера для эволюции состояний системы во времени. В геополитическом контексте это означает переход от детерминистских стратегий к адаптивным, учитывающим множественность сценариев и роль наблюдателя в формировании реальности.

Военно-политическое состояние серой зоны «ни мира, ни войны», или «мирвойна» делает позицию государств двоякой, а состояние социума – неопределенным. Двойственность серой зоны ментальной войны порождает состояние, которое можно описать как метафору квантовой суперпозиции, когда международная система находится в смешанном состоянии, содержащем черты двух противоположных полюсов – войны и мира [Бартош 2021a; 2021б; Ильницкий, Симаков 2025].

Политика серой зоны [Бартош 2021a; 2021б; Зарудницкий 2021; Dispersed, Disguised... 2025] – это когда неясно, есть война или нет, неизвестно, кто, с кем, зачем и за что воюет, когда формально вроде мир и войны нет, но есть «антитеррористические и гуманитарные операции», «временные полицейские меры», «отдельные инциденты и прокси-конфликты» непонятной направленности, ведущиеся вооруженными группировками и целыми армиями размытой государственной принадлежности. Это боевые действия, ход и исход которых «зависят от наблюдателя» (метафора неопределенности Гейзенберга), а победителя определяют фиксирующие войну медиа (метафора коллапса волновой функции) [Ильницкий, Симаков 2025; Ландау, Лифшиц 1989].

Ментальная война (МВ) представляет собой высший, стратегический уровень гибридного противоборства в серой зоне, отличающийся от информационной войны (тактический уровень МВ: манипуляции фактами, дезинформация) и когнитивных операций (оперативный уровень МВ: изменение восприятия и мышления) фокусом на долгосрочном переформатировании ментальных структур, мировоззрения и цивилизационной идентичности [Ильницкий, Симаков 2025].

Концепция ментальной войны, систематизированная в российской военной науке с 2021 г. [Ильницкий 2021], определяет ее как скоординированные действия по «оккупации» сознания противника, параличу воли, деморализации общества и разрушению духовно-нравственных основ [Ильницкий 2024a]. В отличие от традиционных войн, она ведется в серой зоне скрытно, без объявления, с эффектами, проявляющимися зачастую через поколения. Глубинная война как эволюция ментальной и ее когнитивной составляющей использует в т.ч. ИИ для анализа психоэмоциональных профилей и генерации персонализированного контента. Запад использует ментальную войну для «цифровой колонизации», ее технологии проникновения в онтологическое пространство вскрывают суверенитет целевого государства [Ильницкий 2024б], при этом размывание субъектности Запада хаотизирует геополитическое пространство, все глубже погружая мир в серую зону войны.

¹ Путин В. В. Выступление на пленарной сессии «Полицентричный мир: инструкция по применению» международного дискуссионного клуба «Валдай». 2025. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/78134> (проверено 17.01.2026).

Несамостоятельность политических нарративов как уязвимость

Другая гносеологическая проблема – ценностная несамостоятельность нарративов российской политики, проявляющаяся в заимствовании языка, конструктов и нарративов с Запада. Это не просто лингвистическая зависимость, а фундаментальное противоречие на уровне онтологии: ментальность, культурные коды и традиции России остаются аутентичными, укорененными в православной этике, соборности и евразийском синтезе, в то время как дискурс, описывающий прошлое (историческая память), настоящее (актуальные вызовы) и будущее (стратегическое видение), а следовательно вечное (цивилизационная миссия и масштаб), формируется чужеродными шаблонами либерального универсализма, индивидуализма и прагматизма [Ильницкий 2023б; Ильницкий 2024б].

В результате стратегия и тактика внутренней и внешней политики нередко не стыкуются. Исторически это заимствование как элемент частичной «ментальной колонизации России» коренится в постсоветском переходе: в 1990-е гг. под влиянием «шоковой терапии» и западных консультантов российский элитный дискурс усвоил термины «демократизация», «рынок», «права человека» в их западной интерпретации, игнорируя национальный контекст. Вспомним тут ельцинского министра Козырева, просившего президента США Никсона определить национальные интересы России.

Доверие – интегральный целевой параметр, обеспечивающий устойчивость системы «государство – общество», параметр, накапливаемый во времени через преемственность и последовательную стратегию государства (власти) в социокультурном пространстве. Эмоции и настроения манипулируемы на оперативном уровне (когнитивные операции через СМИ и соцсети). Доверие, вера и ценности – объект ментальной войны на стратегическом уровне. Разрушение доверия происходит на всех уровнях ментальной войны: тактическом – информационная война (фейки, вбросы); оперативном – когнитивные манипуляции (формирование ложных настроений, установок и когнитивных навыков); стратегическом – ментальная война (подмена истории, цивилизационных основ и мировоззрения). В этом контексте ментальная война – это война за доверие и время: информационная тактика разрушает доверие мгновенно, оперативная «когнитивка» – достаточно быстро и эффективно, а ментальная стратегия – эволюционно, но необратимо. Война за доверие – это гонка за временем, это ментальная война за ценности, веру и смыслы.

Для России крайне актуально обретение собственного языка и идейно-смысловое обеспечение политики. Тут онтология социума важна. Не придумывание «образа будущего» и т.п. симулякров, а вспоминание себя, осознание своего призвания и воссоединение с собою.

Ценностная несuverенность предопределяет наши уязвимости: заимствованные нарративы не резонируют с коллективным бессознательным, приводя к когнитивному диссонансу. Как пример – западные понятия глобализации и общечеловеческих интересов маскируют гегемонию, а российские попытки адаптировать их (без переосмысления) размывают национальную идентичность. Для России актуально обретение собственного политического языка – не изобретение неологизмов, а возврат к онтологии: вспоминание призвания (защита русского мира), воссоединение с культурными архетипами (соборность, державность). Это требует идейно-смыслового обеспечения политики через образование, медиа и элитную перезагрузку, где ценности – не инструмент, а основа. СВО катализирует эти процессы. Это требует

разработки и принятия Стратегии ментальной безопасности РФ [Ильницкий 2023б; 2024а].

Отдельно отметим, что в США тоже проблемы, и значительно большие, чем у нас, ибо проблемы эти – экзистенциального характера. Им надо заново возвращаться к вопросу, кто и что они? США сталкиваются с экзистенциальным выбором: универсальная идея («Город на холме») или нация. Идея Города на холме предполагает открытость, нация – закрытость. Это раскалывает общество по ценностным, социальным и территориальным линиям. И тут вопрос миграции – лакмусовая бумажка.

Если Америка – это универсальная идея для мира, то мигранты, которые едут к ним отовсюду на свет факела статуи Свободы, должны приниматься. Если же Америка – нация, то мигранты могут и будут отвергаться. То есть, вопрос мигрантов – это не политическая конъюнктура, это принципиальный цивилизационный выбор США, это политическая развилка для американской власти. Трампысты выбирают нацию, демократы – идею, что чревато расколом американского социума и эскалацией гражданских конфликтов.

Заключение

Российская внешняя политика по-прежнему по инерции ориентируется на Ялту 2.0. Но западный трек уводит нас от «духа Анкориджа» в виртуальность Будапешта.

Серая зона политики – переходная фаза к новому миропорядку, к полицентричному миру. Россия должна собирать русский мир.

Обеспечение субъектности России и русского мира требует стратегической автономии, отказа от заимствованного политического дискурса. Необходимо ментальное осознание России вне западной системы и воссоединение со своею суверенной Судьбой. Только так можно преодолеть «квантовую неопределенность» серой зоны и сформировать устойчивую систему обеспечения наших национальных интересов.

Решение – в духовной собранности общества и мобилизации государства. Подлинная сила исходит изнутри. Надо превзойти Запад в ментальной войне выдержкой, волей, молчаливой и суровой сосредоточенностью. Надо выйти из тумана серой зоны на свет под «русское онтологическое солнце», где суверены, а не гегемоны определяют правила новой мир-системы.

Список литературы

Бартош А.А. 2021а. «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны. – *Военная мысль*. № 2. С. 6-19.

Бартош А.А. 2021б. «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны. – *Военная мысль*. № 3. С. 25-37.

Зарудницкий В.Б. 2021. Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе. – *Военная мысль*. № 1. С. 34-44.

Ильницкий А.М. 2021. Ментальная война России. – *Военная мысль*. № 8. С. 19-33.

Ильницкий А.М. 2023а. Стратегия гегемона – стратегия войны. – *Военная мысль*. № 6. С. 18-36.

Ильницкий А.М. 2023б. Идеология настоящего. – *Российская Федерация*. № 4. С. 32-39.

Ильницкий А.М. 2024а. Битва за русский мир. – *Российская Федерация*. № 2. С. 24-30.

Ильницкий А.М. 2024б. Антихрист как технология. – *Российская Федерация*. № 3. С. 22-27.

Ильницкий А.М., Симаков С.С. 2025. Корпускулярно-волновая теория ментальной войны. – *Военный академический журнал*. № 3(46). С. 13-30.

Ильницкий А.М., Яновский О.С. 2024. Глубинная война. – *Международная жизнь*. № 10. С. 78-89.

Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. 1989. *Теоретическая физика. Квантовая механика (нерелятивистская теория)*. 4-е изд., испр. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит. 768 с.

Dispersed, Disguised, and Degradable. 2025. RAND Corporation Report. 120 p.

ILNITSKY Andrey Mikhailovich, *Cand.Sci. (Tech.Sci.)*, Senior Researcher at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Active State Advisor of the Russian Federation of the 3rd class, Member of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy, Senior Researcher at the Higher Attestation Commission of the USSR

ENSURING AGENCY IN THE GRAY ZONE

Abstract. This article analyzes the key challenges to ensuring the Russian Federation's agency in the global gray zone – a transitional state of international relations characterized by the erosion of traditional norms and institutions. The author pays particular attention to the crisis of Western agency, the problem of borrowed political discourse in Russia, and the role of mental warfare as a strategic tool in global confrontation.

Keywords: mental warfare, hybrid warfare, gray zone, quantum effects, polycentric world, military-political processes, agency, international politics, hegemony, narratives, ideology, Russian world
